

ОТВЕТ АНОНИМАМ

28 ФЕВРАЛЯ на страницах «Советской культуры» было опубликовано мое открытое письмо главному режиссеру Театра имени Вл. Маяковского Николаю Павловичу Охлопкову.

Адресат пока что не ответил, что вполне объясняется состоянием здоровья Николая Павловича.

Однако письмо получило отклики. Так, например, Валентина Кобенко из Краснодара находит, что, собственно, режиссера и обвинять не за что. «Я думаю,— пишет она, — что вдумчивый художник перечитал не один десяток пьес, прежде чем остановить свой выбор на той или иной пьесе». Разделяя взгляды автора письма на пьесы В. Пановой, М. Шатрова, А. Вейцлера и А. Мишарина, мой корреспондент полагает, что театр выбрал их «не от хорошей жизни», а просто потому, что лучших пьес «негде взять», и объясняет это известной сторванностью драматургов от жизни.

В противоположность мнению В. Кобенко, театровед Ксения Федоровна Комиссарова из Ленинграда находит опубликованное «Советской культурой» открытое письмо «безграмотным», советует «не затруднять внимание читателя высказываниями «зрителя» видимо мало сведущего и культурного» (в цитате сохранены все поучительные особенности оригинала).

Откровенно говоря, я рад, получить у всякого, в том числе и у Ксении Федоровны Комиссаровой, и остается только пожалеть, что урок ее свелся лишь к нескольким энергическим выражениям, а как известно, подобные выражения есть аргумент того, у кого нет аргументов...

Но — и за то большое спасибо Ксении Федоровне, что, будучи раздражена «нением Русановым», она отчитала его откровенно и прямо, назвавшись полным именем своим, даме и то упомянув, что она заслуженная артистка РСФСР и театральная вед.

Такова «амплитуда колебания» откликов на открытое письмо Н. П. Охлопкову: от полной поддержки взглядов, изложенных в нем, до полного отрицания права автора свое суждение иметь. И в этой разноречивости нет ничего удивительного, по крайней мере, пишущие люди давно к ней привыкли.

Но было два отклика, о которых стоит поговорить особо. Это — отклики анонимов, людей, не пожелавших назвать себя.

В тот же день, когда вышла газета с открытым письмом, мне кто-то позвонил по телефону. Раздался женский голос, взволнованный, прерывающийся. Послышались слова:

— Получили свои тридцать сребренников?

И — высокие, короткие гудки: видимо, у анонима в буквальном смысле этого слова не хватило «духа», попросту — оборвалось дыхание.

Но рассказываю я об этом не для того, чтобы посмеяться над чьей-то трусостью и подлостью (если не предполагать меркантильности).

Пресловутые «тридцать сребренников», как известно, являются ценной предательства. Смысл фразы, сказанной мне по телефону, вполне ясен: я предал Н. П. Охлопкова, поступил, как Иуда.

А знаете что, телефонная Анонимна, — ведь это не я, а вы предали его, — да, да, бесчестно, тайно предали.

Посудите сами. Мое «предательство» заключалось только в том, что я позволил себе высказать некоторые критические замечания о некоторых спектаклях Театра имени Вл. Маяковского. При несогласии с этими замечаниями, их можно оспаривать, опровергать даже. Во всяком случае они никак не затрагивали чести и достоинства прославленного режиссера.

А ваше заявление? Не назвавшись, вы даете основание думать, что вы принадлежите к людям, близким тому, кого вы ринулись «спасать», или по крайней мере к числу его поклонников.

Представьте же теперь состояние Н. П. Охлопкова, когда он узнает, какие у него нашлись «ученики». Ведь совершенно ясно, что рассматривать критику как предательство способен только человек, чуждый всем партийным принципам, чуждый вообще советскому обществу. А по пословице: скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты...

Я не сомневаюсь, что Н. П. Охлопков с гневом и отвращением узнает о вашем поступке — и пусть это послужит уроком для всех других анонимов, подобных вам.

Со своей стороны я хотел бы «откреститься» от Анонима, сыгравшего ту же шутку со мной, как вы с Н. П. Охлопковым.

Этот с восклидательными знаками приветствует мое выступление в газете, но возмущается «политесом» (то есть вежливостью). Ему кажется, что, вызвав уважение к адресату, я унижил свое человеческое достоинство», выказал «благонамеренность» и т. п. Ему хотелось бы, чтобы я назвал работы Театра имени Вл. Маяковского «трюкачеством», «выкрутасами», а за главным режиссером не признавал никаких талантов. Дабы придать мне смелости, Аноним обещает: «Народ вас подержит».

Плохо вы посоветовались с народом, Аноним! Никогда он не поддержит того, кто осмелится оплевывать то, что для народа ценно и дорого.

Н. П. Охлопков снискал, действительно, всенародную известность — своим талантом, творчеством, новаторством. И я целиком разделяю высказанную некогда мысль насчет того, что «только ничтожество может без раздумий сокрушать общепризнанные авторитеты».

Вот что я хотел сказать анонимам... нет, не анонимам, а читателям об анонимах.

Они скрывают свои имена, но не могут скрыть своей подлости.

Вас. РУСАКОВ.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»
МОСКВА

26 MAR 1963